

Светлана ЧЕРВОННАЯ

Кафедра этнологии и культурной антропологии

Университет Николая Коперника в Торуня (Польша)

ПОЛЬША – КРЫМ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ, КОНТАКТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Большинство исторических фактов и событий, о которых пойдет речь в данной статье, можно назвать как бы лежащими на ладони. Они памятливы всем, кто интересуется отечественной историей, современной политикой, международной жизнью. Однако, эти факты и события в общественном сознании и в зеркале научной историографии до сих пор не связаны друг с другом в той парадигме, которая определена словами «Польша – Крым». Хорошо зная, что происходило на том или ином этапе в Польше или в Крыму (во всяком случае всегда имея возможность почерпнуть соответствующие знания в богатой литературе, посвященной истории Крыма и Польши), многие люди не придают значения сходству, совпадениям, точкам соприкосновения и линиям пересечения национальных интересов польского и крымскотатарского народов, культурным контактам, взаимодействию между ними.

Задача настоящей публикации заключается в том, чтобы именно такие точки и линии обозначить, выявить те узловые моменты, которые наполняют весьма интересным содержанием этот тандем «Польша – Крым». Можно сказать, что здесь намечен краткий просpekt, программа, проблемно-тематический тезаурус будущих,

актуальных и необходимых исследований, которые можно было бы провести коллективными силами ученых разных стран.

Таких комплексных всесторонних исследований до сих пор не существует, хотя сам по себе императив компаративных сопоставлений разных культур, разных стран давно принят на вооружение гуманитарной науки. Проведение научных конференций и издание трудов, посвященных проблематике соседства, сложных отношений друг с другом, международных связей, культурного, политического взаимодействия разных народов и государств давно стало нормой нашей духовной жизни, но словосочетание «Польша – Крым» в этот круг исследований и публикаций до сих пор не попало.

Может быть, это объясняется удаленностью друг от друга, отсутствием общих границ между нынешними территориями Польской Республики и Автономной Республики Крым, созданной в 1991 году в составе украинского государства (оккупированной ныне Россией и объявленной – вопреки воле украинского и крымскотатарского народов – Республикой Крым в составе Российской Федерации). Между ними сегодня, действительно, нет контактного пограничья, и даже для того, чтобы просто приехать (прилететь) из Крыма в Польшу или из Польши в Крым надо преодолеть множество препятствий в виде визовых барьеров, транспортных перебоев, пересадок, сложностей прохождения пунктов пограничного контроля, особенно там, где бесчинствует российская администрация, стремящаяся к изоляции оккупированного Крыма от стран Европейского Союза и составляющая свои черные списки персон *non-grata*, включая в них многих польских политиков и журналистов. Однако, при проведении широких компаративных исследований, в том числе по линии Польша – Крым, нельзя руководствоваться одной лишь современной ситуацией. Были времена (и длились они даже не десятилетиями, а веками), когда Rzeczpospolita Obojga Narodów (Объединенное государство Польши и Литвы), простиравшаяся буквально «от моря до моря» – Балтийского на севере, Черного – на юге, непосредственно граничила с Крымским ханством, территория которого выходила далеко за географические границы полуострова в степи северного Причерноморья, – и это было сложное, богатое,

интересное по многим параметрам прямое соседство, порою весьма беспокойное, чреватое военными конфликтами, но по большому счету весьма плодотворное, содержащее огромный потенциал взаимного культурного обогащения. С конца XVIII до начала XX века Крым и Польша (значительная часть Польши вместе со всей территорией бывшего Великого Княжества Литовского) находились в составе одного государства – Российской империи, переживая во многом общие невзгоды и проходя через подобные друг другу круги ада и витки отчаянного сопротивления имперскому гнету. В парадигме «Польша – Крым» огромный пласт того исторического наследия, когда поляки и крымские татары жили недалеко друг от друга, как сейчас, а действительно были рядом в смысле прямых контактов, военных союзов, политических альянсов, географического соседства, даже общего гражданского статуса (государственного подданства), значительно перевешивает ту ситуацию удаления друг от друга, которая возникает лишь на кратковременной исторической дистанции.

Исследования в рамках широкой проблематики «Польша – Крым» должны не только выявлять очевидные контрасты нынешней ситуации, благоприятной для польского народа и крайне тяжелой, ущербной, драматической для крымских татар, но также опираться на исторический опыт давнего (да и не столь уж давнего) прошлого, когда Великое Княжество Литовское и Польское королевство, а затем Объединенное государство обоих народов, с одной стороны, и Крымское ханство, с другой стороны, выступали на восточно-европейской арене в качестве достойных друг друга партнеров, имевших равные (или во всяком случае вполне сопоставимые по масштабу, предпосылкам, потенциальным возможностям) перспективы превращения в национальные государства современного типа.

Наконец, никак нельзя считать невозможным сопоставление Польши и Крыма по причине различия господствующих на этих землях религий, а именно принадлежности Крыма с начала второго тысячелетия нашей эры к исламской цивилизации, а Польши – к христианскому, католическому миру. Это различие очень существенно, без его учета никакие исследования в историческом поле

«Польша – Крым» вообще невысказано, но оно никак не может служить поводом для отказа от таких исследований. Многие, успешно проводимые сегодня компаративные исследования, например, сопоставления друг с другом польской и русской, польской и украинской, польской и немецкой, польской и еврейской культур¹ непременно учитывают различие конфессиональных (православие, католицизм, лютеранство) или религиозных (христианство, иудаизм, ислам) ориентаций в культуре и политике народов и стран, оказавшихся во взаимодействии друг с другом. В этот ряд могли бы естественно и органично вписаться исследования в парадигме «Польша – Крым». Во всех случаях методологической базой таких исследований должно стать не только выявление различий и контрастов, но и путей сближения разных цивилизаций и культур как в экуменической парадигме близости между тремя великими мировыми монотеистическими религиями – иудаизмом, христианством и исламом, так и в перспективе общей секуляризации современного мира. Сопоставление в этом плане Польши и Литвы – ситуации мусульман в этих странах, с одной стороны, и традиционной веротерпимости крымских татар, с другой стороны, прежде всего по отношению к католической религии, опорными пунктами которой служили итальянские анклав, генуэзские фактории на территории Крымского ханства, а в Новейшие времена – общественные инициативы польского национального меньшинства в Крыму², – дает богатейший материал для выявления именно таких путей сближения – не столкновения цивилизаций (“crash of civilizations”, согласно концепции известного американского социолога С. Хантингтона³), а поисков мира и согласия.

¹ К этому надо еще добавить активизировавшийся – в связи с шестисотлетним юбилеем установления в 1414 г. дипломатических отношений между Польшей и Османской империей – интерес к турецко-польским историко-культурным контактам и связям, что, в частности, нашло свое отражение в ряде выставок и в международных научных конференциях, проведенных варшавским Институтом исследований мирового искусства, в частности, в мае 2014 г. в Бурсе и в сентябре того же года в Торуни.

² См. I. Matuszewska, *Spoleczno-kulturowe warunki asymilacji Polaków na Krymie*, „Przegląd Polonijny” 1999, № 2, с. 87.

³ См. в переводе на польский язык: S. Huntington, *Zderzenie cywilizacji*, Warszawa 1999.

Итак, если ничто в принципе не мешает провести аналогии между Польшей и Крымом, то следует задаться вопросом, в каких конкретных направлениях следует такие исследования вести, какие забытые страницы истории надо в первую очередь восстановить, заполнить, какие моменты давних и новых взаимосвязей акцентировать.

Прежде всего надо обратить внимание на проблемы этногенеза, этнической истории и этнического самосознания польского и крымскотатарского народов. Оба они относятся к категории «коренных народов» (аборигенов, *indigenous peoples*, *Stammvölker*, *ludów tubylczych*, *rdzennych*), этногенез которых начался и завершился на той территории, которая входит, с одной стороны, в границы современной Польши (этнической родины поляков) и, с другой стороны, в границы Крыма (этнической родины крымских татар). При том, что у этих народов совершенно разные этнолингвистические корни (поляки относятся к западной ветви славянской языковой группы большой индоевропейской семьи; крымские татары – к западной ветви тюркской группы большой алтайской языковой семьи), их сближает и роднит то обстоятельство, что оба они являются не пришельцами (*przybyszami*) откуда-то со стороны, а коренными жителями тех восточно-европейских территорий, которые они считают своей родной землей (*native lands*), исторической отчизной. Если индигенный характер польского народа, сформировавшегося как нация из местных западнославянских племен, исконно проживавших на нынешней территории Польского государства, не подвергается сомнению, то крымским татарам постоянно приходится сталкиваться с сильнейшими потоками исторической фальсификации, исходящей, главным образом, из российских пропагандистских центров и сводящейся к утверждениям, будто татары появились в Крыму впервые чуть ли не в XIII веке, пришли извне, захватили полуостров и Северное Причерноморье в итоге военных походов Чингисхана и его наследников и, соответственно, являются в Крыму *чужеродным* элементом, народом-пришельцем, народом-захватчиком, разбойником, присвоившим себе *чужую* землю. При этом чудовищно фальсифицируется весь процесс этногенеза крымскотатарского

народа, основанный на преемственности традиций местных племен (киммерийцев, тавров, скифов, кипчакских и половецких кочевников, хазар), с древнейших времен формировавших тюрко-язычную среду полуострова. Разумеется, этот процесс не был изолирован от влияний со стороны *иных* этнических субстратов, представленных в палеоэтнографии Крыма. Здесь сложно переплетались корни и взаимные влияния разных этнических групп, проникавших в Крым с востока и с запада, с севера и с юга дорогами военных походов, кочевий, торговых сухопутных караванов и мореплаваний⁴. Греки античной Эллады и Византийской империи, воины Римской империи и итальянцы – наследники романо-латинской цивилизации, восточные готы, турки-сельджуки, представители горских и степных, кочевых и оседлых народов соседнего Кавказа издавна проникали в Крым, и их культуры, переплетаясь с местными традициями, оказывали свое влияние на этногенез крымскотатарского народа⁵. Монголы и тюрки, составлявшие костяк армии Чингисхана и его наследников, ставшие известными европейцам под устрашающим названием «татары», в исторических источниках чаще обозначаемые понятием «ордынцев» (жителей Золотой Орды), были одними из последних – на протяжении многовекового периода формирования крымскотатарского народа – участников этих перманентных «вливаний» в крымскую культуру извне. Но они были немногочисленны, едва формируя лишь верхний слой политической элиты и администрации сформировавшегося в XIII веке Крымского улуса Золотой Орды, и их никак нельзя идентифицировать со всем крымскотатарским народом, который сформировался на местной почве

⁴ См. об этом: В. Возгрин, *Исторические судьбы крымских татар*, Москва 1992, с. 58-104.

⁵ Идею встречи в Крыму разных цивилизаций ведикиколенно выразил в поэтической форме Максимилиан Волошин, который писал: «Дикое Поле и Марс Интерниум определяли историю Крыма [...] Киммерийцы, тавры, скифы, сарматы, печенеги, хазары, половцы, татары, славяне... – вот аллювий Дикого Поля. Греки, армяне, римляне, венецианцы, генуэзцы – вот торговые и культурные дрожжиПонта Эвксинского» (М. Волошин, *Искусство, культура, памятникники Крыма*, в: *Забвению не подлежит... (Из истории крымскотатарской государственности и Крыма)*, сост. Н. Ибадуллаев, Казань 1992, с. 63).

из древнейших обитателей этого края, впитывая влияния и живые соки разных культур, но сохраняя при этом свое особое этническое самосознание, свое ощущение Крыма как своей единственной родины и собственной земли. «Монгольское население, – характеризовал этот процесс Максимилиан Волошин, – оказывается очень плавким и гибким и быстро принимает в себя кровь и культуры местных рас. Греческая и готская кровь совершенно преображают татар [...] Татары дают как бы синтез всей разнообразно-пестрой истории страны. Под просторным и терпимым покровом Ислама расцветает собственная подлинная культура Крыма. Вся страна от Меотийских болот до южного побережья превращается в один сплошной сад: степи цветут фруктовыми деревьями, горы – виноградниками, гавани – фелюками, города урчат фонтанами и бьют в небо белыми минаретами»⁶.

Этногенез польского и крымскотатарского народов совершался как параллельный исторический процесс (в Польше он завершился раньше – к концу первого тысячелетия нашей эры – созданием польского государства, в Крыму продолжался дольше – до XIII века, но в том же самом направлении). Польский этнос тоже формировался не в изоляции от влияний, проникавших сюда и из восточнославянского мира, и с чешско-словацкого пограничья, и с германского Запада и Севера, и с балтийских и скандинавских земель, и из, казалось бы, совсем далекого Рима. Если все это не ставит под сомнение индигенный характер польского народа на польской земле, то то же самое следует признать и в отношении крымскотатарского народа в Крыму.

Другой важнейший ряд исторических параллелей выстраивается при сопоставлении внешней политики Польского королевства и Крымского ханства в XIII–XV веках. Общим вектором этой политики была, – наряду с обороной и укреплением собственной государственной и административной системы (включая всю систему военной организации), – тенденция к расширению своей территории, постепенно нарастающая экспансия, прежде всего в сторону бывшей

⁶ Ibidem, с. 61-62.

Киевской Руси. Крымские татары совершали свои набеги «на Русь», на северо-восточные княжества (вплоть до Москвы), на степные районы нынешней Украины с юга, Польша (особенно интенсивно при правлении Казимира Великого) продвигалась сюда с севера (в 1340–1360-х годах в границах пястовской Короны оказались Галиция и Подолия), таким образом, обе эти политические силы (Крым и Польша) неуклонно сближались, выходили навстречу друг другу, к общей границе, формирующейся в районах Северного Причерноморья.

Третий блок капитальных исследований должен быть связан с тем знаменательным, по-своему уникальным в европейской истории обстоятельством, которое заключалось в образовании в рамках Речи Посполитой особой этнической группы – польско-литовских татар. На сегодняшний день вся история их появления на землях Великого Княжества Литовского, их язык, художественная культура (прежде всего архитектура деревянных мечетей), их некрополи (*мизары*), памятники их рукописной и печатной продукции, даже биографии отдельных представителей и целых семейных кланов, формирующих эту этническую группу, исследованы учеными, происходящими из их среды и обращающими свое внимание к ним *со стороны*, с исчерпывающей полнотой. Однако, роль этой группы в цементировании культурно-исторического тандема Польша – Крым еще нуждается в особом артикулировании. Будучи в большинстве своем потомками именно крымских татар, они, можно сказать, представляли живую частицу татарского Крыма в Речи Посполитой. Через различные аспекты деятельности польско-литовских татар Польша оказывалась в непосредственной военной, политической, духовной, творческой связи с Крымом.

Созданный в Российской империи Таврический муфтият (Духовное Управление по делам мусульман Таврической губернии)⁷

⁷ «Именной Указ» императрицы Екатерины II *О бытии в Таврической области Магометанскому Духовному Правлению под председательством Муфтия* был подписан 23 января 1794 г. (*Ислам в Российской империи: законодательные акты, описания, статистика*), сост. Д. Ю. Арапов, Москва 2001, с. 58.

распространял свою опеку на польско-литовских татар: все мусульманские «приходы» (мечети) на территории Польши, Литвы и Белоруссии находились в зоне его ответственности и компетенции. Здесь на протяжении XIX и начала XX века формировалось, можно сказать, единое духовно-религиозное поле, в котором находились крымские и польско-литовские татары. Школьные реформы выдающегося крымскотатарского просветителя Исмаила Гаспринского (1851–1914) привели к формированию общественного движения *джадидизма*, направленного на модернизацию всего образа жизни российских мусульман, и это движение нашло живой отклик в общинах польско-литовских татар. В то же время Гаспринскому принадлежит заслуга своего рода открытия культурного феномена этнической группы польско-литовских татар. Он писал о них в своих сочинениях и на страницах издаваемой им в Бахчисарае общетюркской газеты «Терджиман», ставя их в пример другим мусульманам Евразии как группу, наиболее продвинутую на пути приобщения к европейской культуре и к прогрессу⁸.

Последний Муфтий Таврический – выдающийся крымскотатарский поэт, революционер, возглавивший Первый Курултай крымскотатарского народа в декабре 1917 года и правительство (директорию) возрожденной на обломках царской империи Демократической Республики Крым, Нуман Джихан Челеби (1885–1918) был главой мусульман Крыма, Украины, Белоруссии, Литвы и Польши, что дает основание считать его национальным героем не только татарского Крыма, но также стран, интересы граждан которых он представлял. Его исторический портрет чрезвычайно интересно было бы сопоставить с портретом маршала Юзефа Пилсудского. Такое сопоставление обнаружило бы значительное сходство в стратегии, тактике борьбы, в социал-демократических иллюзиях, в идеальной программе возрождения национального государства, в сопротивлении большевизму, наступление которого означало для всех угнетенных и пробужденных революцией народов России еще более страшное рабство, чем самодержавный гнет. Разница заключалась в

⁸ И. Гаспринский, *Русское мусульманство*, Oxford 1985, с. 53.

том, что Пилсудскому и польскому народу, совершившему свое *чудо над Вислой*, удалось то, чего не удалось достичь Нуману Челеби, буквально растерзанному севастопольскими матросами, и крымскотатарскому народу, потерпевшему поражение. Большевицкая орда под командованием Михаила Фрунзе, заполонившая Крым в конце 1920 года, залила его кровью так, как стремилась, но не смогла этого сделать армия под командованием Тухачевского, рвавшаяся к Варшаве. И хотя процессы революционных преобразований и подъема национально-освободительной борьбы на рубеже 1910–20-х годов в Польше и Крыму развивались в очевидной геополитической удаленности друг от друга (не было общих баррикад, не было прямых контактов на едином поле сражений, не было согласованных инициатив на уровне международной дипломатии⁹), по сути своей они были аналогичны и подобны друг другу.

На этом этапе в борьбе за независимость Польши и Крыма активно участвовали представители этнической группы польско-литовских татар. Часть из них оказалась в рядах польской освободительной армии (мусульмане, потомки «ордынцев», в первую очередь крымских татар, они сражались за свободу Польши)¹⁰. Других судьба привела в Крым и сделала не только наблюдателями, но и прямыми участниками политической борьбы в Крыму. Здесь надо вспомнить и Александра Ахматовича (1865–1944), избранного в 1917 году Председателем Комитета Татар Польши, Литвы, Белоруссии и Украины, исполнявшего обязанности Министра юстиции Крымской народной республики в 1918 году; и главу правительства этой Республики

⁹ Плацдарм возможного взаимодействия, казалось бы, мог сформироваться в 1920 г., когда польская армия под командованием генералов В. Ивашкевича и Р. Щмиглы-Рыдза в ходе успешных боев против Советов на территории Украины дошла до Днепра и заняла Киев. Однако, шансы крымских татар, усилия которых в то время были сосредоточены на борьбе с оккупационным режимом барона П. Врангеля, воспользоваться помощью поляков оказались ничтожны. См. об этом: J. Tyszkiewicz, *Nadzieje Tatarów Krymskich na pomoc Polski: luty 1920*, „Rocznik Tatarów Polskich” 1993, т. 1, с. 71–74.

¹⁰ Об участии татарских уланов в обороне Плоцка от неприятеля (большевицкой России) см. подробнее: A. Miśkiewicz, *I Szwadron Tatarski 13 Pułku Ułanów Wileńskich*, „Rocznik Tatarów Polskich”, 2000, т. 6, с. 48–54.

(в период с мая по ноябрь 1918 года) генерал-лейтенанта Матвея (Сулеймана) Сулькевича (1865–1920); и Ольгерда (Наймана) Кричинского (1884–1942), чей путь в политическую историю XX века лежал через объятые гражданской войной Крым и Азербайджан, где ему удалось издать книгу¹¹, представляющую собой интереснейший литературный памятник той эпохи, еще овеянной надеждами и идеалами национально-государственного возрождения татарского Крыма, но уже терявшей эти надежды и идеалы.

В исторической последовательности мы, однако, сильно забежали вперед, и это было неизбежно в связи с тем, что блок вопросов, связанных с анклавом польско-литовских татар, где был сосредоточен важнейший узел живых связей между Польшей и Крымом, надо рассматривать в его целостности, от истоков татарских поселений на территории будущей Речи Посполитой, от Грюнвальдской битвы, в которой татарская конница принимала участие на стороне литовских и польских объединенных сил, до Новейшего времени, до наших дней, когда, скажем, к примеру, известный общественный деятель из среды польских татар, профессор Ольштинского университета, поэт и историк Селим Хазбиевич является делегатом Всемирного конгресса крымских татар, созванного в 2011 году как постоянно действующий политический орган: прямая солидарность между гражданами Польши (польскими татарами) и крымскими татарами в данном случае очевидна.

Возвращаясь назад, мы должны выделить важнейший круг событий и по сути своей параллельных и сходных процессов, которые происходили в Крыму и Польше между XV и XVIII веками. Речь идет прежде всего о формировании здесь культуры Ренессанса при обращении к общим первоисточникам итальянского кватроченто и чинкваченто. Только в Крым итальянские влияния шли южными морскими путями – через Черное море (начиная от приезда сюда итальянского зодчего и художника Алоизио да Монтаньяна, создавшего в 1503 году знаменитые Железные Двери / Demir Qapı,

¹¹ А. Кричинский, *Очерки русской политики на окраинах*, часть 1: *К истории религиозных притеснений крымских татар*, Баку 1919.

украшавшие сначала Девлет-Сарай в Салачике, а затем Бахчисарайский дворец крымских ханов, и известного потом в России как Алевиз Новый, или Алевиз Фрязин, – строитель московского Кремля; через деятельность генуэзских и венецианских купцов, имевших в Крыму свои постоянные торговые фактории и крепости, например, знаменитый Судак), в то время как дорога мастеров итальянского Возрождения (а позднее – маньеризма и барокко) и канал поступления созданных ими художественных ценностей в Краков пролегли по сухопутным траекториям из Северной Италии через страны Юго-Восточной Европы. На ренессансной почве вырастали новые победы не только искусства и зодчества, но и всей культуры с ее ранними и сильными тенденциями к секуляризации, широко понимаемого гуманизма, демократического общественного устройства Речи Посполитой (уникальной в европейском контексте «королевской республики», обеспечившей права и свободы своих граждан, участие широких слоев шляхты в государственных делах) и Крымского ханства, начинавшего свою историю со строительства Университета (Зинджирлы медресе в Бахчисарае); существовавшего как ограниченная монархия с огромной совещательной ролью *дивана* – фактически прообраза и зародыша парламента. Сейм Первой Речи Посполитой и *диван* при дворе крымских ханов – разные, но вполне сопоставимые друг с другом явления европейской политической культуры эпохи позднего феодализма, уже чреватой зачатками новых, демократических общественных институтов.

Очень рано и последовательно – и в Польше, и в Крыму – распространяются идеи Просвещения, получающие свое конкретное воплощение в школах, театрах (профессиональный театр при дворе крымских ханов в Бахчисарае, в репертуаре которого, между прочим, оказались и Шекспир, и Мольер, начинает свою жизнь почти одновременно с первыми польскими передвижными и стационарными театрами), и в создании музеев и библиотек. Библиотека при ханском дворце в Бахчисарае, впоследствии наполовину сожженная, наполовину разграбленная российскими завоевателями Крыма, представляла собой подлинное сокровище европейской культуры, и с ее славой могли соперничать лишь немногие коллекции книг и

рукописей, формирующиеся в христианских странах Восточной Европы, в том числе в Польше, при университетах, в монастырях и в поместьях светских магнатов.

При этом Крым играл роль важнейшего связующего звена в распространении знаний, в культурном обмене между христианской Европой (и естественно Польшей, как ее неотъемлемой частью) и широким мусульманским Востоком. Польские путешественники, дипломаты, миссионеры, направлявшиеся с различными государственными и духовными миссиями на дальний мусульманский Восток – в Османскую империю, в Иран, Палестину – часто шли к своей цели – и в прямом, и в переносном смысле – через Крым, через Черное море, и в Крыму получали первые представления об устройстве мусульманского города, о характере исламского искусства, о мечетях и дворцах-сараях, о повседневном образе жизни мусульман. Такие литературные памятники, как описания крымских городов (Эски-Крыма, Бахчисарая и других), вышедшие в 1579 году из-под пера Посланника польского короля при дворе крымского хана Марцина Броневского¹², наглядно свидетельствуют о том, какое сильное впечатление на европейцев (поляков) производил олицетворенный в образе Крыма мусульманский «Орьент», как богата и плодотворна была встреча разных культур на открытых для европейцев землях Крымского ханства. Эта встреча не только расширяла круг знаний, обогащала духовный мир европейцев ценностями иной цивилизации, но вдохновляла их на собственную творческую интерпретацию этих ценностей, что вносило новые мотивы в европейскую (в том числе в польскую) литературу, поэзию, музыку, философию. Дело, начатое в XVIII веке великим Иоганном Вольфгангом Гёте, который открыл европейцам поэтику Корана, уже в XIX столетии продолжил Адам Мицкевич, чьи *Крымские сонеты* значительно раздвинули – тематически и духовно – границы польской поэзии эпохи романтизма.

¹² Первая публикация посланий М. Броневского польскому королю Стефану Баторому в переводе на русский язык появилась в издании «Записки Одесского Общества истории и древностей» (1867, том 6). На польском языке этот литературный памятник издан отдельной книгой: M. Broniewski, *Tartariae Descriptia / Opis Tatarii*, Łódź 2011.

С конца XVIII века, по иронии судьбы, почти одновременно, аннексию Крыма императрица Екатерина сумела завершить в 1783 году, можно сказать, в паузе между очередными разделами Речи Посполитой – Крым и Польша, крымские татары и поляки оказались в железных объятиях Российской империи. Сопоставимы друг с другом не только эти трагические события (аннексия, разрушение государственности соседних стран в результате прямых российских военных вторжений и/или дипломатических интриг Петербурга, ложных обещаний, лицемерных посулов, беззащитного использования критических моментов – бессилия или малодушия глав государств, лишившихся поддержки своих традиционных союзников) и последующие затем народные страдания, но и те формы сопротивления, те методы борьбы, которые выработали, с одной стороны, поляки (и вместе с ними литовцы, украинцы, белорусы, оказавшиеся после Разделов Польши в Российской империи), а с другой стороны, крымские татары. В этих методах, во всяком случае на протяжении первого столетия после российской аннексии Крыма и Польши (с конца XVIII до конца XIX века), были заметные различия. Поляки отвечали на российскую агрессию восстаниями, повторявшимися с частотой, определяемой отрезками времени, необходимого для того, чтобы зажили раны от поражений и сформировалось новое поколение, готовое на «последний и решительный бой», и эти бои гремели над всей Российской империей и над всей Европой и в 1794, и в 1830, и в 1863 годах. В Крыму не было таких масштабных восстаний. Татарский народ избрал иную форму сопротивления имперскому режиму – *мохаджерство*, массовый эгзодус, уход с родной земли (прежде всего в Османскую империю) в знак невозможности сосуществования с российской властью. У поляков тоже была своя «великая эмиграция», формировавшаяся в XIX веке, главным образом, в Париже и выражавшая идеи не сломленного сопротивления. Но в пропорциональном отношении к численности народа да и в чисто арифметическом измерении крымскотатарское *uchodźstwo* было гораздо более мощным. Оно повторялось нарастающими волнами – после аннексии Крыма, после Крымской войны середины XIX века, после

всех очередных попыток царской власти лишить крымских татар их земли, их прав, их религиозных свобод. Мохаджерство охватило сотни тысяч крымских татар (число потомков этих мохаджеров, проживающих ныне в Турции, Болгарии, Румынии, измеряется по оценочным данным несколькими миллионами человек), и уже к началу XX века из народа, доминирующего в своей стране (в Крымском ханстве накануне его падения крымские татары составляли более 90% населения, что вполне сопоставимо с доминирующим положением этнических поляков в демографии Польши), крымские татары превратились в арифметическое меньшинство. Наверно, надо признать, что стратегия мохаджерства в конечном итоге вела к поражению, подрывала экономический, политический и культурный потенциал народа, покидавшего свою родину. Осознание драматических последствий и ошибочности такой стратегии привело сегодня лидеров национального движения к выработке категорических рекомендаций, адресованных прежде всего молодым мужчинам: ни в коем случае не покидать Крым даже в нетерпимых условиях нынешней российской оккупации¹³, в крайнем случае вывезти (в Украину, в Польшу, в Турцию) для спасения свои семьи, но самим оставаться и продолжать борьбу с оккупационным режимом в Крыму. Действующий ныне в Киеве Меджлис крымскотатарского народа не только не старается вытолкнуть своих соотечественников в дальнюю эмиграцию, но настаивает на мобилизации всех способных к сопротивлению сил крымскотатарского народа в Крыму.

При всех различиях в формах национально-освободительной борьбы польского и крымскотатарского народов, у них было все-таки много общего, особенно в последние четверть века перед крахом российского самодержавия: и распространение позитивистских концепций, надежд, что созидательная конструктивная работа, прежде всего в экономической и просветительской сферах, будет больше способствовать возрождению отчизны, нежели иные методы борьбы; и социал-демократические утопии (в программах

¹³ См. D. Sejdamet Kyrymer, *Moje wspomnienie z rozmowy z marszałkiem Józefem Piłsudskim*, „Rocznik Tatarów Polskich” 1993, т. 1, с. 75-82.

«младотатар», партии «Милли-Фирка» в Крыму, Польской социалистической партии, Социал-демократии Королевства Польского и Литвы), и подпольная, нелегальная работа революционных ячеек, и генеральная репетиция рабоче-крестьянского бунта в 1905 году, и наконец, прямое вооруженное участие в борьбе за возрождение государственной независимости на полях сражений 1917–1920 годов – победоносное в Польше, потерпевшее поражение в Крыму.

Железный занавес, очень рано опустившийся над Советской Россией и созданным в 1922 году Советским Союзом, казалось бы, на долгие годы отрезал Крым от Польши, и трудно было бы найти что-либо общее в истории Второй Польской Республики (II Rzeczypospolitej) и Крымской Автономной Советской Республики на протяжении 1920-30-х годов. Культурные контакты были прерваны. Наши народы и страны развивались в совершенно разных направлениях, Польша находилась в поисках своего пути к общим нормам европейской демократии, провозглашенным Лигой Наций; Крым все глубже опускался на дно национальной катастрофы со всеми ее признаками искусственно организованного голодомора, воинствующего атеизма, колхозной неволи, социального обнищания масс, красного террора, уничтожения крымскотатарской интеллигенции¹⁴, о чем польское общество, занятое собственными проблемами, порою имело весьма смутное представление или, вообще, ничего не знало. Однако, именно в это время в Варшаве формируется организация, которая становится сильнейшим рычагом преодоления информационного вакуума и чрезвычайно важным звеном налаживания политических контактов между Польским государством, польской правящей элитой и общественностью, с одной стороны, и той политической эмиграцией (крымскотатарской, украинской и представляющей другие народы СССР), которая не смирилась с диктатурой большевизма

¹⁴ См. об этом: Д. Урсу, *Очерки культуры крымскотатарского народа (1921–1941)*, Симферополь 1999; *Репрессированное поколение крымскотатарских общественно-политических деятелей, подвижников науки и культуры. Материалы международной научной конференции 28–29 мая 1999 года*, сост. Э. Сеитбекиров, Симферополь 2001.

и действовала на европейской арене как правозащитная сила и мощная оппозиция по отношению к кремлевской власти, с другой стороны. Такой организацией было общественное объединение «Прометей», генеральная резиденция которого находилась в Варшаве и деятельность которого (включая издание одноименного журнала на французском языке) протекала при прямой поддержке маршала Пилсудского. Доверительные, можно сказать, дружеские связи существовали между Пилсудским и Джафаром Сейдаметом – бывшим военным министром и министром иностранных дел демократической Республики Крым, депутатом Учредительного собрания, признанным представителем интересов крымскотатарского народа в свободном мире¹⁵. Варшава в 1920–30-х годах была для Джафера Сейдамета таким же родным домом и местом работы, как Стамбул, Лозанна или Женева. В Варшаве в 1930 году он издал на польском языке свою книгу *Крым*¹⁶, которая – на основе богатейшего круга исторических источников, документов, литературных памятников и устных свидетельств, находившихся в распоряжении Сейдамета, – познакомила польских читателей с историей Крыма, с культурой крымских татар, повествовала о бесчинствах и преступлениях российских захватчиков.

Если о «Прометее» междувоенного периода польское образованное сообщество так или иначе помнит и знает, то значительно менее известной и забытой остается деятельность созданной в 1944 году в Гааге международной Прометеевской Лиги Атлантической хартии, продолжавшей правозащитные традиции «Прометей» (ее резиденция находилась в Гааге). Рукой профессора Варшавского университета Романа Смаль-Стоцкого, возглавившего эту Лигу, написаны строки Обращения (от 1 августа 1946 года) в Организацию Объединенных Наций, извещавшего мировую общественность о трагедии депортации крымских татар и об истинных целях советской политики репрессий против мусульманских народов Кавказа и Крыма. Для удобства редактирования и обсуждения этого

¹⁵ См. D. Sejdamet Kyrymer, op. cit.

¹⁶ D. Sejdamet, *Крым*, Warszawa 1930.

документа с коллегами – беженцами из разных областей и республик Советского Союза Смаль-Стоцкий писал его на русском языке:

«... Считаю своим моральным долгом обратиться к ООН по вопросу о происходящем на глазах всего мира уничтожении ряда мирных и слабых наций коммунистическим правительством СССР. В данном случае имеется в виду фактическое уничтожение в СССР следующих наций: крымскотатарской, чечено-ингушской, калмыцкой, немецко-поволжской и карачаевской [...] Особо важной и скрытой причиной ликвидации ряда нерусских народов Кавказа и Крыма, а также происходящей сейчас усиленной дезукраинизации Украины, является стремление коммунистического правительства СССР обеспечить себе и подготовить стратегически важные пункты для предусматриваемого наступления на Ближний турецко-арабский и Средне-индийский Восток. Крым как воздушно-морская база и Кавказ как основной плацдарм великой оффензивы СССР в направлении Средиземного моря и Персидского залива требуют уничтожения имеющейся там традиции национально-освободительной борьбы мусульманских народов против русского ига»¹⁷.

Вторая мировая война и послевоенная ситуация, продолжавшаяся практически вплоть до распада СССР и краха коммунистических режимов в Восточной Европе, можно сказать, к великому национальному несчастью поляков и крымских татар, сблизила эти народы, вновь оказавшиеся в одном политическом пространстве. Сначала это было пространство нацистского оккупационного режима, державшегося в Польше (1939–1945) почти на три года дольше, чем в Крыму (1941–1944) и одинаково означавшего как для поляков, так и для крымских татар горькую неволю и угрозу самого их существования на родной земле. Вопреки черным мифам советской

¹⁷ Текст Обращения был опубликован позднее в собственном периодическом издании Лиги: [Р. Смаль-Стоцкий], *Обращение (от 1 августа 1946 года) Лиги Атлантической хартии в Организацию Объединенных Наций*, «Прометеевская Лига Атлантической Хартии» 1949, № 2, с. 24–26; рукописный текст оригинала хранится в папке «Прометеевская Лига Атлантической Хартии» в личном архиве Исмаила Отара (после смерти владельца находящегося в распоряжении его сыновей) в Стамбуле.

пропаганды, пытавшейся оправдать сталинские депортации и уверить мир, будто крымские татары (так же, как чеченцы, ингуши, калмыки, карачаевцы, балкарцы и даже турки-месхетинцы, в глаза не видевшие фашистских оккупантов, поскольку те до их родины – Ахалцыхского пашалыка Грузии – просто не дошли) якобы сотрудничали с оккупантами. На самом деле крымские татары (так же, как поляки) в своем большинстве (в процентном отношении вполне сопоставимом с числом воинов Армии Крайовой и Армии Людовой и активных участников сопротивления в Польше) сражались с захватчиками (в рядах Советской Армии, куда в начале советско-германской войны была мобилизована практически вся крымскотатарская молодежь; в партизанских отрядах и в антифашистском подполье в Крыму), а «гражданское» («мирное») население одинаково страдало от оккупационного режима в Крыму и в Польше. Правда, в стратегии национальных движений (крымскотатарского и польского) в годы войны были некоторые различия, связанные с ориентацией на тех или иных союзников (для поляков главным направлением такой ориентации стал Лондон, для крымских татар – Стамбул) и, главное, с попытками использовать ситуацию смены господствующих режимов для защиты интересов своих народов: такие попытки активно предпринимали крымскотатарские «мускомы» – мусульманские комитеты, формируемые в Крыму. В Польше ничего подобного не было; крымские татары могли воспринимать довоенный и нацистско-оккупационный режимы на своей родине в парадигме «большого и меньшего зла» одинаково чуждой им власти; у поляков была совершенно иная шкала сравнений, и даже те из них, кто совсем не склонен был идеализировать политическое и социальное устройство Второй Польской Республики (II Rzeczpospolitej), прекрасно понимали, *какую Польшу* (свое национальное государство) они потеряли в 1939 году и готовы были сражаться во имя ее защиты, спасения, освобождения, возрождения. Многие крымские татары отнюдь не мечтали о возрождении Крымской АССР, весь кошмар жизни в которой, вплоть до последних ударов красного террора конца 1930-х годов, они ощутили на собственном горьком опыте. В этом было существенное различие, но то, чем де-факто закончилась

для крымских татар и поляков Вторая мировая война, по большому счету было одинаковым поражением и тяжелейшим ударом по национальным интересам этих народов. В Крыму советская оккупация обрела еще более жесткие формы, чем до войны, и приступила к последовательной реализации программы «Крым – без крымских татар»; в Польше до уничтожения или тотальной депортации всего польского народа дело не дошло, но на какое дно опустилась страна в условиях PRL, особенно в 1940-х годах, хорошо знают те, кто пережил это время и те, кто его не помнят, но могут получить полное представление о нем из всех ныне открытых и доступных источников, формирующих национальную память (*pamięć narodową*).

Особенно много общего в горькой исторической судьбе было между крымскими татарами и теми миллионами поляков, которые оказались на восточных землях (Wschodnich Kresach) Польши, оккупированных Советской Армией в 1939 году и так и не возвращенных Польше после войны. Если не в буквальном, то в метафорическом смысле можно сказать, что их вывозили на восток в одних и тех же эшелонах, в одних и тех же вагонах для скота, под вооруженной охраной – *вохрой* – тех же самых отрядов НКВД, бывших их общими палачами. Сначала – в 1939–1941 годах – вывозили поляков из Западной Украины, Белоруссии и Литвы, потом – в 1944 году – всех крымских татар, позднее – в 1945–1948 годах – снова тех поляков, которых не смогла или не успела объять депортация и которые делили эту страшную участь со своими соседями – украинцами («западниками»), литовцами и белорусами Вильнюсского края.

И места спецпоселений – для поляков, главным образом, Казахстан, для крымских татар – голодные степи, пустынные и малярийные районы соседнего Узбекистана, и условия жизни в этих спецпоселениях под надзором военных комендатур, и высокая смертность – все это было подобным, почти одинаковым.

Послевоенные десятилетия не были сплошной черной полосой без просветов. Что-то менялось со временем к лучшему и в Польше, и в Крыму, и в положении тех ссыльных (поляков, крымских татар), которые уже могли воспользоваться относительной свободой передвижения, даже вернуться на родину (еще далеко не в массовом

порядке) или более-менее по-человечески обустроить свою жизнь на местах ссылки, дав образование своим детям, не упустив (крайне ограниченные!) возможности личного карьерного роста, участия в развитии экономики, науки, культуры Казахстана, Сибири, Поволжья, среднеазиатских республик. И все же по большому счету их жизнь в Советском Союзе была перманентным адом, и выходом из этих адских кругов могло стать и стало только разрушение всей коммунистической системы, к чему и крымскотатарский, и польский народ приложили немало усилий.

Когда в Польше формировалась «Солидарность», крымскотатарское правозащитное движение, действующее в диссидентском подполье СССР, выработывало стратегию борьбы с советским режимом в его собственном конституционном поле, и демонстрации крымских татар в Ташкенте служили такими же толчками постепенного сотрясения коммунистического блока, как забастовки на верфях Гданьска (первые поражения становились залогом будущей близкой победы). За два года до созыва «круглого стола» в Варшаве, который привел к окончательной и неотвратимой «перестройке» Польши, организованные летом 1987 года массовые демонстрации крымских татар на Красной площади в Москве были не менее сильным ударом по кремлевской империи, которая оказалась уже не в состоянии править миром по старым канонам.

Последующий период истории Крыма в составе независимого украинского государства (1991–2014), начинавшийся с массовой репатриации на свою родину крымских татар, и приходящийся на те же десятилетия периода истории Польши не ознаменованы какими-либо событиями, свидетельствующими о заметном усилении прямых связей между Крымом и Польшей. И польский, и крымскотатарский народ решали в это время свои непростые социальные, политические проблемы (гораздо более острые для крымских татар, не добившихся полной реабилитации, чем для поляков, перед которыми никакие задачи реабилитации не стояли) и заботились об укреплении своего авторитета и безопасности на международной арене, ориентируясь на Европейский Союз. Польше это удалось, о чем свидетельствует и ее вхождение в Евросоюз, в НАТО, и недавнее

размещение на ее территории новейшего оборонительного оружия, создающего над ней прочный американский щит. Крымские татары весной 2014 года стали первой европейской жертвой возобновившейся российской агрессии.

Российская оккупация Крыма стала мощным стимулом проявления (усиления традиционной и формирования новой политической) солидарности между Польшей (польским народом, польским государством) и крымскими татарами. Эта солидарность находит свое выражение в польской журналистике, правдиво и объективно освещающей события в Крыму и континентальной Украине, в политике польского государства, присоединившегося к европейским санкциям против России в ответ на оккупацию Крыма, в многочисленных выступлениях польских граждан, в том числе студенческой молодежи, на улицах Варшавы, Кракова – акциях поддержки крымских татар, особенно в день 18 мая, под голубым знаменем их национального движения. В этом ряду лежит и имеет большое значение такое событие, как присуждение в 2014 году первой Премии имени Леха Валенсы лидеру крымскотатарского народа Мустафе Джемилеву, который получил эту награду из рук Президента Польши Бронислава Комаровского как знак этой высокой солидарности. Нельзя забыть о том, что в магнитном поле этой солидарности оказывается вся Украина, насильственный отрыв от которой нанес крымскотатарскому народу значительный материальный и моральный ущерб.

История взаимодействия между Крымом и Польшей продолжается на наших глазах, и именно в поле этого взаимодействия (в котором лежит не только Крым, но вся Украина) формируется важнейший узел современной европейской политики и международной солидарности прогрессивных, демократических сил.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Broniewski M., *Tartariae Descriptio / Opis Tatarii*, Łódź 2011.
- Huntington S., *Zderzenie cywilizacji*, Warszawa 1999.
- Matuszewska I., *Spoleczno-kulturowe warunki asymilacji Polaków na Krymie*, „Przegląd Polonijny” 1999, № 2.
- Miśkiewicz A., *I Szwadron Tatarski 13 Pułku Ułanów Wileńskich*, „Rocznik Tatarów Polskich” 2000, т. VI.
- Sejdamet D., *Krym*, Warszawa 1930.
- Sejdamet D., *Moje wspomnienie z rozmowy z marszałkiem Józefem Piłsudskim*, „Rocznik Tatarów Polskich” 1993, т. 1.
- Tyszkiewicz J., *Nadzieje Tatarów Krymskich na pomoc Polski: luty 1920*, „Rocznik Tatarów Polskich” 1993, т. 1.
- Урсу Д., *Очерки культуры крымскотатарского народа (1921–1941)*, Симферополь 1999.
- Волошин М., *Искусство, культура, памятники Крыма*, in: *Забвению не подлежит... (Из истории крымскотатарской государственности и Крыма)*, сост. Н. Ибадуллаев, Казань 1992.
- Возгрин В., *Исторические судьбы крымских татар*, Москва 1992.
- Гаспринский И., *Русское мусульманство*, Oxford 1985.
- Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика)*, сост. Д. Ю. Арапов, Москва 2001.
- Кричинский А., *Очерки русской политики на окраинах, часть 1: К истории религиозных притеснений крымских татар*, Баку 1919.
- Репрессированное поколение крымскотатарских общественно-политических деятелей, подвижников науки и культуры. Материалы международной научной конференции 28–29 мая 1999 года*, сост. Э. Сеитбекиров, Симферополь 2001.
- Смаль-Стоцкий Р., *Обращение (от 1 августа 1946 года) Лиги Атлантической хартии в Организацию Объединенных Наций*, «Прометеевская Лига Атлантической Хартии» 1949, № 2.
- Червоная С., *Мусульманский (татарский) Крым в условиях российской оккупации (2014–2015)*, in: *Politics and Society in the Islamic World / Polityka i społeczeństwo w świecie islamu / Политика и общество в исламском мире*, ed. by I. Kończycyk, M. Lewicka, M. Widy-Behiesse, Łódź 2016.

POLAND–CRIMEA: HISTORICAL PARALLELS, CONTACTS, PERSPECTIVES FOR COOPERATION

The well known facts from the history and contemporary life of Poland and Crimea are not still connected together in the paradigm “Poland – Crimea” both in the public mentality and in the reflection of the scientific historiography. This article is an attempt to select – based on the methodology of the comparative historical analysis – coincidences, likeness, similarities and distinctive moments, contacts, points of intersections of the Polish and Crimean Tatar peoples their national interests, forms of their interaction. In some way it is a short prospect, a program, a thematic thesaurus of the issue and the latest researches that could be helpful in the future in the co-operation between scholars. The main directions of such researches deal with both the historical past (processes of the ethno-genesis of the Polish and Crimean Tatar peoples; foreign and internal policy’s main objectives in the forming in the Middle Age states – Crimean Khanate and Polish Kingdom, that had their own periods of the Renaissance and of the Enlightenment; the existence of both nations from the end of the 18th century in the Russian Empire and their national-liberation movements), and the newest history – 20th–21st centuries. It is the ethnic group of the Polish-Lithuanian Tatars (related after their origin to the Crimean Tatars) which has played a role

of a connecting link between the Poland and Crimea and cements this mutual cooperation. A long history of the cultural and political interaction between Poland and Crimea has continued until today, and with the reference of this interaction (not only Crimea, but the whole Ukraine) the most important ties of the contemporary European policy and the international solidarity are formed and found.

Keywords: Poland, Crimea, Cultural contacts, Political solidarity.

Ключевые слова: Польша, Крым, культурные контакты, политическая солидарность.